

ВОСТОК

ЖУРНАЛ ЛИТЕРАТУРЫ, НАУКИ И ИСКУССТВА

КНИГА ЧЕТВЕРТАЯ

**«ВСЕМИРНАЯ ЛИТЕРАТУРА»
ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА -- 1924 г. — ЛЕНИНГРАД**

руссов жреца Хеканахта, ярко обрисовывающих экономическую жизнь Египта в эпоху Среднего Царства. Мы здесь привели только несколько пропусков, список которых можно было бы сильно пополнить.

Перейдем теперь к неточностям и неправомерностям, которые мы считаем необходимым отметить и исправить. Автор повидимому не дает себе отчета о строении древне-египетского языка, когда утверждает, что для облегчения понимания и чтобы избежать недоразумения, прибавлялись отличительные знаки, указывавшие, есть ли данное изображение образное, идеографическое, или же слоговое, буквенное (стр. 13). Детерминативы или определители, как их принято называть, и о которых здесь, очевидно, говорит автор, ставились на самом деле безразлично при фонетическом или символическом комплексе, но всегда только после целого слова, указывая на его значение и являясь таким-образом, непроницаемой идеограммой. Следовательно, детерминативы служили не для отличия идеограмм от слогов, как то думает проф. Бузескул, а для более точного определения словесных групп. А следующее за эти категории утверждение автора, что «для употребления их (т. е. разных категорий идеограмм) существовали особые правила» (стр. 13) надо, конечно, понимать со значительной долей скептицизма. Бесконечное количество вариантов написания одного и того же слова, то полностью всеми звуками, то слогами, то одной только идеограммой, а то какой-либо комбинацией этих способов, заставляет нас сильно сомневаться в существовании таких «определенных правил» древне-египетской орфографии. Далее, на стр. 28, автор уверенно помещает Пунт, страну богов и благовоной, «у южной оконечности Черного моря, на африканском берегу (Сомали)». Не споря против этого категорического утверждения, следует указать на то, что здесь возможны и другие географические комбинации, например, помещение Пунта в южной Аравии, как высказывают некоторые египтологи. Иногда можно исправить ссылки автора на местонахождение в настоящее время некоторых памятников. Стала Хену, вельможа эпохи Среднего Царства, жившего при фараоне одиннадцатой династии, Пниотефе Великом, которая находилась в московском Румянцевском Музее, со всей египетской коллекцией отдела древностей Румянцевского Музея была передана еще в 1921 году в Музей-Институт Классического Востока, где помещается также и богатое собрание клинописных таблечек, о котором говорит автор на стр. 151, без указания его местонахождения.

Отмечу теперь еще один промах автора. Говоря об египетской и ассирийско-вавилонской религии, он иногда характеризует все древне-восточное мистико-магическое мирозерцание насмешливым названием «господ-

ство суеверий и магии» (стр. 182) или «нелепые магические формулы» (стр. 41). В этом сказывается известное незнание эпохи, ибо нельзя мельком или с улыбкой проходить мимо той мощной стихии, которая владела душой древне-восточного человека, обуславливая весь склад его мышления и психики. Не понимая магии, нельзя понять ни египетской, ни вавилонской религии, искусства и науки, веры в силу слова и имени, в действительность магического ритуала и в загробную жизнь, нельзя понять и древне-восточной литературы, насквозь пропитанной магизмом, всего склада жизни того времени и всего строения души древне-восточного человека. Вообще проф. Бузескул с большим интересом останавливается на древне-восточной морали, чем на богатой и яркой мистике того времени, которая однако гораздо более характерна для сошедшего Востока.

В заключение отмечу еще одну маленькую деталь: в своем прекрасном и содержательном очерке панвавилонизма проф. Бузескул указывает на проф. Р. Ю. Виппера, как на сторонника этого теперь скомпрометированного научного направления. После того, как вышла любопытная брошюра Виппера «Кризис Исторической Науки» (Казань — 1922), было бы неосторожно делать такие утверждения, т. к. весьма возможно, что ее почтенный автор, отказавшийся в ней от большинства своих прежних исторических взглядов, вместе с тем изжил в настоящее время и свой ранний панвавилонизм, который следует считать результатом временного увлечения. В этом книгу проф. Бузескула упрекнуть нельзя, ибо, несмотря на неизбежные недостатки, пробелы и неточности, она все же остается хорошим, сжатым и содержательным очерком истории открытий XIX и начала XX века в области изучения древнего, вернее классического, Востока.

В. Авдиев

● А. А. Васильев. История Византии. Византия и крестоносцы. Эпоха Комнинов (1081 — 1185) и Ангелов (1185 — 1204). Петербург (Изд. Academia) 1923. 8° стр. 120.

Автор — историк византист, хорошо известный востоковедам двухтомным исследованием «Византия и арабы». Настоящая работа примыкает не столько к этому труду, сколько к «Лекциям по истории Византии», опубликованным в 1917 году: изложение первого тома лекций было доведено до эпохи крестовых походов, и настоящая книга представляет полезную замену отсутствующего второго тома. Содержание обусловлено приблизительно тем же планом; главное внимание уделено внешней династийно-политической истории. Особый отдел посвящен все же очерку внутреннего состояния, хотя автор и оговаривается (стр. 98 — 99) о невозможности в настоящей стадии разработки дать стройное представле-

ние в особенности относительно этой эпохи. Для востоковедов и эта книга представит интерес в частности потому, что в ней уделяется систематическое внимание отношениям к востоку, в особенности туркам-сельджукам. Арабы в Сирии и Палестине в эту эпоху уже выходят за круг зрения автора, поскольку они не сталкиваются непосредственно с Византией. Таким образом события крестовых походов, развертывающиеся в этих странах, освещаются лишь в общих чертах, преимущественное же внимание уделяется отношению их к Византии. Выяснение многообразных причин и предварительных стадий часто помогает верной оценке дальнейшего развития на востоке. В этом смысле книга А. А. Васильева является полезным коррективом к работе О. А. Добиаш-Рожественской (Эпоха крестовых походов. Петроград, 1918), которая характерна преимущественно с западной точки зрения и мало считается с источниками восточными и даже византийскими. Особенно интересно освещение четвертого крестового похода (стр. 70—89), который непосредственно, казалось, не задел стран, служивших прямым объектом этого движения, а на самом деле совершенно изменил картину международных политических и экономических отношений. Было бы очень желательно, чтобы автор в дальнейшем довел свое изложение до падения Константинополя; тогда, благодаря его работам, мы будем располагать первым полным очерком истории Византии, написанным русским ученым.

● П. Жузе. Арабская хрестоматия. Баку, б. г. 80 стр. 50.

Число русских пособий для изучения арабского литературного языка крайне ограничено, как в отношении грамматики, так и хрестоматий. Хрестоматия А. Болдырева, игравшая очень важную роль в первой половине XIX века, была вытеснена в 70-х годах большой хрестоматией В. Гиргаса и В. Розена, сохраняющей и до наших дней не только учебное, но и научное значение; об этом ясно говорит ее популярность на западе, несмотря на громадное количество аналогичных пособий, изданных европейскими учеными. К двум упомянутым хрестоматиям в 80-х годах прибавилась составленная М. Аттаей и служившая пособием преимущественно в Москве и Казани. В 1916 году она была заменена «Арабским сборником», составленным М. Аттаей и А. Крымским, который остановился на первом выпуске. Для учебных целей из большой хрестоматии В. Гиргаса была составлена начальная для 1-го курса, которая до войны выдержала 4 издания.

В нормальное время, при малом количестве востоковедных школ, эти пособия более или менее удовлетворяли насущным нуждам. Война и революция, нарушившие

не только типографскую работу, но превратившие регулярные сношения с западом и центром, поставили в безвыходное положение преподавателей восточных языков во вновь возникавших очагах востоковедения, обыкновенно на окраинах России. Приходилось думать о заполнении недостатка своими силами, и, естественно, появившиеся пособия носили на себе отпечаток условий, в которых зарождались.

В Ташкенте в 1921 году была переиздана учебная хрестоматия В. Гиргаса и В. Розена, но уже литографским способом и без словаря. Там же в 1923 году даны были с учебными целями выборки из одного раннего жития Мухаммеда. Нужды вновь основанного Бакинского университета вызвали появление работы декана Восточного факультета П. Жузе; отсутствие года на обложке не дает возможности установить, к какому времени она относится.

На внешности издания, конечно, сильно отразились типографские условия; мелкий шрифт, хотя достаточно четок, но для начинающих представляет немало затруднений; отпечатки некоторых страниц (напр. 21—28) очень бледны. С другой стороны, приятно радуется необычно малое для провинциальных изданий количество отпечатков.

Выбор текстов для хрестоматии не может быть назван строго классическим, то отличается известной оригинальностью, даже несмотря на большое число аналогичных изданий на западе. После кратких фраз и пословиц (стр. 2—7) идут извлечения из корана (стр. 7—10), за которыми следуют, кажется впервые в арабской хрестоматии, отрывки из бежавских произведений: «Священной книги» (стр. 11—17) и посланий Абд-аль-Беха (стр. 17—20), о недавней смерти которого была речь в «Востоке» (№ 3, стр. 209—210). Так же необычно, если не считать «Арабского сборника», появление больших извлечений из арабской версии легенды о Варлааме и Иосафе — мировой повести индийского происхождения, популярной во всех литературах не менее Калилы и Димны (стр. 21—36). Заканчивается хрестоматия отрывками из истории ат-Табари (стр. 37—50). Количество материала вполне достаточно для годового курса арабского языка, и можно надеяться, что новое пособие принесет свою пользу для востоковедения.

И. Кр.

● Анналы. Журнал Всеобщей Истории. III. Петербург. 1923, стр. 304.

В разнообразно составленной, богатой по содержанию книге Анналов имеется ряд статей, относящихся непосредственно к Востоку. С. Ф. Ольденбург дает блестящую характеристику Эрнеста Ренана, основанную частью на личных воспоминаниях, по случаю столетия со дня его рождения (стр. 3—4). Ф. И. Успенский вновь возбуждает вопрос о научном значении записок известного еврейского путешественника XII века

Вениамина Тудельского (стр. 5 — 20). Анализ его сообщений о Константинополе заставляет подозревать, что они основаны не столько на личных наблюдениях, сколько на недостаточно проверенных, сбивчивых рассказах. Такое же впечатление производит и описание Багдада. Актуальный интерес представляет большая статья Е. В. Тарле «Англия и Турция. Исторические корни и развитие конфликта» (стр. 21 — 71). В ней дана характеристика ближневосточной политики Англии с XVII века и всех перипетий турецкого вопроса вплоть до последнего времени. Материал привлечен богатый и свежий; изложение отличается свойственной произведениям автора живостью (хотелось бы видеть более точную передачу восточных имен вместо Гуссейн, Геджас и др.). В других отделах журнала обращает внимание рецензия В. Н. Бенешевича на книгу С. Лурье «Антисемитизм в древнем мире» (стр. 246 — 248) и заметка В. М. Алексеева о золотой монете в Китае (стр. 299 — 300), впервые появившейся в 1916 г. за все многовековое существование Среднего Государства. Из библиографии узнаем (стр. 303) об издании во Франции трехтомной «Истории Азии», написанной Рене Гроссе. Первый том посвящен древнему востоку, Исламу, латинскому востоку и Крестовым походам, второй — древней Индии, древнему и средневековому Китаю и Индокитаю, третий — монголам, Персии, современной Индии и Китаю и Японии. Краткое содержание не дает, конечно, возможности составить представление о книге малоизвестного в востоковедении автора.

И. Кр.

● Туркестанский Восточный Институт. (1918 — 1922). Ташкент, 1922 (Издание Студенческого Комитета Т. В. И.). Литогр. 80 стр. 15 + 30 + 101.

За последние шесть лет в области преподавания востоковедения в России замечается повышенный интерес к практическим институтам. Возникавшие в различных городах и в различной форме в зависимости от местных условий востоковедения, они не имеют еще сколько-нибудь длительного опыта. Самая жизнь их протекает до сих пор в ненормальных условиях постоянных реформ, не дающих возможности накопить этот учебный опыт в направлении определенного плана с тем, чтобы после длительного испытания его сознательно принять или, окончательно оставив, уже более не возвращаться по тому же направлению. В этом смысле полезно знакомство с опытом других заведений, и хороший почин сделали студенты Т. В. И., издав настоящую брошюру. Она содержит краткую историю возникновения и деятельности Института, приводит его положение, распределение предметов по курсам, программы, список преподавателей, условия приема. Четырехлетний опыт Института, переживавшего

различные изменения, выяснил, повидимому, два основных положения, которые вытекают из всей брошюры: необходимость для практического учебного заведения теоретической научной базы и невозможность помимо обще-востоковедных задач по изучению страны и ее языка возлагать на Институт специально-ведомственные задания. Первое условие в Ташкенте сильно усложнено тем, что преподавание востоковедения в Ташкенте в университете почти совершенно прекращено и Институту приходится брать на себя, как видно из п. 1 «Положения», задачу учено-учебного заведения, чтобы не остаться без необходимой в практических целях научно-теоретической базы. Нарушение второго условия неизбежно влечет за собой перегруженность слушателей многопредметностью и вредит специально-востоковедным занятиям, чем в корне подрывается и самый смысл Института.

Брошюра в силу технических препятствий издана литографским путем, не всегда достаточно четко; в интересах востоковедения было бы желательно ее переиздать в дополненном виде с расширением исторической части и большей систематичностью программ.

И. Кр.

● Д. Валидов. Татарская литература. Очерк истории образованности и литературы волжских татар. Выпуск 1-й, Госуд. Издательство, Москва-Петроград, 1923, стр. 106+1.

Судя по титульному листу, Госиздатом предпринята серия книжек «Татарская литература в переводах на русский язык под редакцией П. Радимова и Галимджана Шарафа». Очерк Джемаль-эдина Валидова, повидимому, служит как бы введением к этой серии. Ашмарин, Катанов, Вамбери, Вильямс и другие ознакомили уже европейских читателей с возрождением волжско-татарской культуры и с нарождением волжско-татарской литературы. «Всемирная Литература» в выпуске первом сборника статей «Литература Востока» (1919 г.) также представила схематический очерк по данному вопросу в связи с литературами других турецких народов. Повторяя и тем подтверждая в большинстве случаев сведения своих европейских предшественников, Д. Валидов сообщает немало и новых данных, и его популярно и интересно написанная, изящно и в общем аккуратно изданная книжка безусловно является положительным вкладом в популярную литературу о Востоке. Наименее удачной надо признать первую главу: «Турки и татары», дающую недостаточно правильное представление об этой группе народов и об ее численности, которая сильно преувеличена в согласии с ходячим среди турецких националистов мнением (около 70 миллионов). Мишари (стр. 5), вопреки утверждению